

Е. В. Тарле

Сочинение в 12 томах

Том 5

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е11

Е11   **Е. В. Тарле**
Сочинение в 12 томах: Том 5 / Е. В. Тарле – М.: Книга по Требованию, 2015. – 596 с.

ISBN 978-5-519-48665-1

Большую часть настоящего тома Сочинений Е. В. Тарле занимает широко известный его труд "Европа в эпоху империализма". Этот труд воспроизводится ниже по второму изданию, вышедшему в свет в 1928 году, с учетом поправок, сделанных самим автором, подготовлявшим третье издание этой работы.

ISBN 978-5-519-48665-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОТ РЕДАКТОРА

Большую часть настоящего тома Сочинений Е. В. Тарле занимает широко известный его труд «Европа в эпоху империализма»¹. Этот труд воспроизводится ниже по второму изданию, вышедшему в свет в 1928 г., с учетом поправок, сделанных самим автором, подготовлявшим третье издание этой работы.

Заглавие книги Е. В. Тарле шире ее содержания. Это не изложение общей истории Европы в эпоху империализма, а преимущественно история внешней политики этого времени, написанная на широком историческом фоне.

В годы, непосредственно следовавшие за первой мировой войной, причины войны, ее течение и характер волновали общественность всех стран, потрясенную чудовищной бойней, для тех времен совершенно беспрецедентной по своим масштабам и по опустошительности. Огромный поток мемуаров и документальных публикаций по животрепещущему для той поры вопросу о происхождении мировой войны, горячие политические споры в разных странах по вопросу о ее виновниках привлекли внимание Е. В. Тарле, всегда живо откликавшегося на злобу дня. Его книга представляет попытку историка обобщить колоссальный материал источников по предыстории и истории войны, появившийся в течение первого десятилетия после ее окончания.

Читатель без труда увидит, что автор не стоял на позициях ленинской теории империализма, хотя определенное влияние, и притом немалое, эта теория на него оказала. Само собой разумеется также, что в наше время, через тридцать лет после ее выхода в свет, книга Е. В. Тарле не могла не устареть. Но в момент своего появления она вызвала большой интерес и привлекала к себе внимание.

---

¹ Впервые опубликован в 1927 г.

Книга тотчас же после своего выхода в свет вызвала острую полемику в советской исторической науке. Главным оппонентом Е. В. Тарле выступил М. П. Покровский, упрекавший автора в оправдании политики Антанты. Е. В. Тарле возражал против этого обвинения. Возражать было тем легче, что его противник со своей стороны стоял на ошибочных методологических позициях.

Справедливость требует признания того факта, что при обличении политики правительства империалистических держав и их дипломатии в предвоенное десятилетие острое перо Е. В. Тарле с особой страстностью разило именно германских империалистов. Е. В. Тарле подчеркивал в своей книге, что он причисляет правительства Антанты к виновникам войны. Но пристрастие к разоблачению вины именно немецкой стороны в книге безусловно имеется. В этом известная ее слабость и односторонность как исторического труда.

Но как раз в этом же и ее сила. Книга и сейчас сохраняет ценность именно как страстный, полный искренней ненависти, художественно выполненный памфлет против германского империализма, справедливо бичующий преступления кайзеровской Германии. Более того: книга сохраняет политическую актуальность, которую давно потеряли выступления многих оппонентов Е. В. Тарле. И она будет эту актуальность сохранять и в будущем — по крайней мере до тех пор, пока человечество не избавится от угрозы германского империализма и милитаризма, от опасности возобновления германской агрессии.

Кроме труда «Европа в эпоху империализма», в IV том Сочинений вошли две небольшие работы: «Военная революция на западе Европы и декабристы», написанная к столетнему юбилею восстания декабристов и первоначально опубликованная в журнале «Каторга и ссылка»². Она представляет опыт исторической параллели между движением декабристов в России и революцией 1820 г. в Испании.

Наконец, в четвертый том вошел еще очерк «Граф С. Ю. Витте»³, в котором дается характеристика внешней политики Витте и вместе с тем увлекательно написанный портрет этого последнего крупного деятеля царской России.

В. М. Хвостов

---

² Военная революция на западе Европы и декабристы. «Каторга и ссылка». М., 1925, № 8 (21), стр. 113—124.

³ Граф С. Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики. Л., 1927, 96 стр.

ВОЕННАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ
НА ЗАПАДЕ
ЕВРОПЫ
И ДЕКАБРИСТЫ

екабрьское восстание по своему формальному, внешнему типу гораздо более похоже на испанское пронулиаменто, как заметил первый покойный Д. К. Петров, чем на любой из русских государственных переворотов XVIII в., и поведение части петербургской гвардии в декабре 1825 г. несколько не объясняется (даже и в самой малой доле) воспоминаниями о роли, которую гвардия играла в XVIII столетии. Это явление психологически и политически иного порядка, и все попытки связать его как-нибудь с традициями XVIII в. всегда будут искусственны и голословны. Именно декабрьские события и показали, как далеко зашла европеизация России и насколько аналогичные условия порождают всюду, от Гвадалквивира до Невы, аналогичные явления. Герцен, очевидно, имел в виду именно подчеркнуть *европейский* характер и смысл движения, когда усматривал символическое значение в пулях, попавших 14 декабря в памятник Петра Великого. Рассматриваемое в рамках общеевропейской истории, восстание декабристов продолжило собой (и заключило) серию военных переворотов и попыток переворотов, которая началась в 1820 г. в Испании, продолжалась мимолетными вспышками в Пьемонте и в Неаполе и произвела необычайно сильное впечатление на русское передовое офицерство и вообще на русские передовые круги в последние пять лет царствования Александра I. Нужно заметить, что не только в России революционное движение на Пиренейском и Апеннинском полуостровах в 1820 г. произвело такой могучий эффект. И во Франции, и в Германии, и даже в Англии и далекой Ирландии действие, произведенное испанскими и (в несравненно меньшей степени, впрочем) итальянскими событиями,

было потрясающим. Это объясняется тем, что впервые тут после долгих десятилетий с начала торжества железной деспотии наполеоновской империи, а потом ограниченной в своем кругозоре и, казалось, всеильной реакции Священного союза, разразилась революционная гроза самым неожиданным образом, без всякой, казалось, подготовки. Впервые после давно отошедшей в историю Великой французской революции послышались забытые речи о естественном праве, правах гражданства и человека, праве на восстание, низвержение деспотизма и т. д. Еще с итальянскими волнениями Священный союз сравнительно быстро справился; но испанская революция длилась с января 1820 г. до середины 1823 г., и притом революционерам удалось почти все это время так или иначе владеть правительственной властью и всем государственным механизмом. «За Пиренеями уж правила свобода», — писал об этих годах молодой Пушкин.

Успех испанской революции, ее относительная длительность, наконец, тот факт, что сломлена была власть революционеров *исключительно* иностранным (французским) военным вмешательством, — все это нанесло страшный удар всей идеологии Священного союза и теоретиков церковно-политической реакции. *Впервые* обнаруживалось с непрерываемой ясностью, что идеи Великой французской революции нисколько не убиты и не похоронены, а, напротив, обнаруживают удивительную живучесть; впервые с самого конца французской революции демонстрировалось, как, в сущности, шатки троны и алтари, как мало уверены в себе их защитники, как неустойчив созданный Священным союзом порядок вещей.

Испания могла привлечь особенное внимание революционеров или даже только оппозиционно настроенных элементов и именно тех европейских стран, которые были (или считались) отсталыми в экономическом, культурном, политическом отношениях.

В самом деле. Казалось бы, испанская революция решительно противоречит тому канону, который в те годы считался неоспоримым и который может быть сформулирован так: революция имеет шансы на успех лишь там, где есть крепкая и многочисленная буржуазия (тогда говорили: «среднее сословие»). Конечно, это было выведено из изучения французской революции 1789 г. Но в Испании крепкой буржуазии не было и в помине: разорение и запустение, продолжавшиеся больше двухсот лет, свели промышленность и торговлю в Испании к весьма незначительной величине.

«Средний класс», правда, существовал в Испании, но политической роли не играл. Существовала уже в последние годы XVIII и начале XIX в. и *интеллигенция*; интересно отметить,

что для обозначения этого понятия в Испании уже тогда существовало особое слово: *intelectualidad* *. Эта интеллигенция вербовалась несравненно меньше из купечества и мануфактуристов, чем из дворянства как провинциального, так и высшего. И именно молодое офицерство больше всего пополнило собой этот немногочисленный слой общества, очень чуждый как невежественной, фанатической крестьянской массе, так и правящим кругам, окружавшим престол испанской линии Бурбонов.

Далее. Разобщенность высшего и низшего сословий в Испании была огромна; может быть, из всех стран Европы только Россия превосходила ее в этом отношении. Высший класс отчасти являлся владельцем земельных богатств, отчасти же кормился придворной, гражданской, военной службой, и очень значительные его слои были прямо заинтересованы в существовании безответственного режима, фактически сводившегося к кормлению на государственный счет всей почти знати и немалой части среднего и мелкого дворянства. Что касается крестьянства и низшего городского населения (рабочий класс, как таковой, был ничтожен количественно), то эти круги народа песли на себе почти целиком всю тяготу обложения, все беды и злоключения от полного бесправия, совершенного отсутствия чувства законности и даже отсутствия сколько-нибудь обеспеченного порядка и спокойствия в стране; но эти слои были почти сплошь безграмотны и находились под сильнейшим воздействием очень активного, очень организованного, очень могущественного духовенства. Духовенство же поддерживало абсолютизм не за страх, а за совесть.

Кучка передовой военной молодежи составляла в Испании в первые годы после освобождения ее от Наполеона ничтожную количественно величину сравнительно со всей массой кадрового офицерства, либо вполне преданного абсолютизму, либо (в большинстве случаев) совершенно безразличного в политическом отношении. Характерно, между прочим, что эта кучка передовой военной молодежи в Испании (так же, как декабристы в России) была настроена в общем весьма патристически и очень гордилась тем, что Испания была одной из двух континентальных стран, не подчинившихся Наполеону; второй страной была Россия, и мне приходилось неоднократно встречать в тогдашней испанской литературе восторженные упоминания о «пожаре Москвы, спасшем Европу».

Чем меньше ждали революции именно в Испании, тем большее впечатление она произвела. Движение в Неаполе, тоже военное и тоже увенчавшееся сначала некоторым успехом, не

* Cp. *Mendez Bejarano M. Historia política de los afrancesados con algunas cartas y documentos inéditos. Madrid, 1912, p. 69.*

могло даже отдаленно идти в сравнение с испанской революцией. Во-первых, оно разразилось позже, чем в Испании, во-вторых, оно с самых первых дней отличалось гораздо меньшей решимостью, в-третьих, оно было быстро задавлено, в-четвертых, о нем вообще Европа очень мало знала, так как даже в короткие месяцы конституционного правления неаполитанская пресса ничего почти не сделала для освещения событий в глазах европейского общественного мнения, тогда как испанская революция получила сразу же могущественную союзнницу в лице французской либеральной печати. Не только географическая близость Испании к Франции, но и идейное содержание испанского движения роднило новых мадридских правителей с французскими последователями конституционалиста Бенжамена Констана, с почитателями памфлетиста Поля Луи Курье и народного поэта Берамже и др. А когда Священный союз на Веронском конгрессе 1822 г. выдвинул окончательно мысль об усмирении испанской революции французскими вооруженными силами, когда Шатобриан стал решительно агитировать в пользу интервенции, когда все реакционные силы при французском дворе сделали интервенцию своим очередным и самым важным делом, тогда французская оппозиционная пресса еще усилила свой и до того живой интерес к Испании, — и в Европе в 1823—1825 гг., со слов французских газет, не переставали узнавать и повторять об ужасах наступившей (после французской интервенции) испанской реакции.

Таким образом, смело можно утверждать, что в то пятилетие, 1820—1825 гг., когда созревало революционное движение в России, разразившееся 14 декабря, именно Испания стояла в центре внимания будущих декабристов, поскольку они вообще интересовались Западной Европой.

Напомним в нескольких словах, что именно произошло в Испании.

Вернувшийся в Испанию в 1814 г. после прекращения наполеоновского владычества король Фердинанд VII оказался жестоким и тупым деспотом, при котором все давнишние пороки давно уже гнившего абсолютизма с особой силой, в особенно нетерпимом виде выступили наружу. Дикий произвол власти, фаворитизм инквизиции, общая продажность, нищета народа — все это казалось особенно вопиющим после только что героической перенесенной борьбы против Наполеона. Несколько раз пробовали революционно настроенные офицеры поднять армию против Фердинанда VII, но это не удавалось. То в собственной среде находились предатели, то выдавали унтер-офицеры, которым за предательство обещано было иначе для них недостойное производство в офицерский чин, то солдаты, покорно слу-

шая все, что им говорил офицер, чуть дело доходило до особы короля, оказывались решительно несогласными ни в чем, что могло бы хоть отчасти показаться восстанием против самого Фердинанда. И все-таки мысль о военном перевороте не покидала офицеров.

Нужно было ждать счастливого случая, — как ждали этого случая и будущие декабристы, которые подумали, будто дождались его в декабре 1825 г. Но испанские революционно настроенные офицеры дождались такого случая, который в самом деле способен был привести в их ряды серую солдатскую массу: они воспользовались естественным нежеланием солдат отправляться в далекую, опасную, непопулярную им войну против южноамериканских колонистов. Следует заметить, что восстание в южноамериканских колониях Испании, начавшееся еще в годы Наполеона, оказывалось явственно сильнее испанского правительства. Малочисленные усмирительные испанские отряды, разбросанные по необъятным пространствам, погибали под пулями и кипжалами инсургентов и вымирали от тропического, непривычного климата; прятаться приходилось в лесах, чащах, пустынях, очень мало известных самим инсургентам и уж вовсе не известных приезжим испанским войскам. Борьба была вполне безнадежна. А тут еще само испанское правительство с отличавшим его легкомыслием и непониманием истинного значения своих поступков принялось распространять в армии известия о неслыханных мучениях, которым будто бы восставшие колонисты подвергают попадающих в их руки испанских солдат. Эта пропаганда имела целью возбудить воинственный пыл усмирительных отрядов, а на самом деле солдаты, предназначенные для экспедиции, совсем пали духом: отныне они знали, что им грозит не простая смерть, а квалифицированная, с неслыханными предварительными мучениями. Новая большая отправка подкреплений в Южную Америку предвиделась в начале 1820 г. Среди солдат уже в 1819 г. замечалось брожение. Пропаганда революционно настроенного офицерства на этот раз, наконец, упала на благодарную почву. Войска, стоявшие в Кадисе и предназначенные к отправке в экспедицию, громко рожали. Между ними стала к тому же свирепствовать желтая лихорадка, заперенная больными, эвакуированными из Америки обратно в Испанию. Пришлось часть кадисского лагеря перенести в Севилью и дальше к северу. И настроение кадисских войск понемногу распространялось все дальше и шире и охватывало значительную часть испанской армии. Жалованием солдатам задерживалось, пропитание отпускалось скудное (да и то разворовывалось комиссариатом снабжения), и эти условия тоже постоянно раздражали и волновали солдат.

Нужно сказать, что даже среди монархически настроенного офицерства и чиновничества в этот период (до революции 1820 г.) замечалось некоторое раздражение против правительства и склонность к либерализму. Например, арестованные по политическим делам и сидевшие в 1819 г. в военных тюрьмах офицеры пользовались, в сущности, почти полной свободой, принимали кого хотели, писали кому хотели, иногда тайком выпускались днем из тюрьмы, и тюремное начальство знало об этом, но смотрело сквозь пальцы. Арестованные в течение всего 1819 г. продолжали деятельно готовить восстание и были в непрерывных сношениях с оставшимися на свободе товарищами. Дон Антонио Кирога, полковник, сидевший под арестом еще с лета 1819 г. в доминиканском монастыре в Алкаладе-лос-Газулес, был даже избран заговорщиками в начальники и руководители восстания. Другим руководителем назначен был офицер генерального штаба, командир батальона, стоявшего в Кабесас-де-сан-Хуан на полпути по главному шоссе, соединяющему Кадис с Севильей, дон Рафаэль дель-Риэго.

Дон Риэго был едва ли не самой яркой волевой личностью испанской революции. Начав блестяще свою карьеру в генеральном штабе в столице, он был переведен, вследствие подозрений в либерализме, в астурийскую глушь батальонным командиром. Риэго имел влияние и авторитет как в революционном офицерстве, так и среди масонских лож (продолжавших нелегально существовать в Испании). Он-то и склонил окончательно еще колебавшихся заговорщиков к необходимости начать восстание, не откладывая дальше. В декабре 1819 г. решение было принято окончательно. 1 января 1820 г. Риэго собрал в 8 часов утра свой батальон, провозгласил пред солдатами восстановление конституции 1812 г., передал власть пад деревней Кабесас новым властям и выступил на условленное соединение с Кирогой. Явившись в Аркос, он арестовал генерала графа Кальдерона и его штаб. Затем подошел и опоздавший несколько (из-за проливных дождей) Кирога. Дальнейшие шаги испургентов были сплошь удачны по своим результатам; королевская армия была в состоянии полного разложения, и дисциплина была налицо только в тех частях, которые тут же сформировались из заранее известных преданных революции солдат различных батальонов. Город Сан-Фернандо (бывш. Isla de Leon) был занят без всякой борьбы. Риэго присоединял к движению батальон за батальоном. Овладев кассой военного округа (около 27 тысяч пезет) в Борпосе, он пошел на Херседе-ла-Фронтера. Вступив в город 5 января, Риэго встретил в жителях полную покорность, но и совершенную апатию. Главкомандующим генералом восставших войск был провозглашен Кирога. Но верных батальонов у революционеров было